

Процесс взаимодействия человека с природой Севера скорее экологически небезопасен, чем гармоничен. Это обстоятельство активизирует изучение местными музеями исторического опыта природопользования коренных народностей, целенаправленное становится культурно-просветительная деятельность, проводимая музеями с целью воспитания у населения бережного отношения к уникальной и легко ранимой северной природе.

Для всех этих народностей, в том числе и проживающих в Восточной Сибири, были характерны общие проблемы. Начиная с 30-х гг. XX в. перед музеями Крайнего Севера был поставлен комплекс задач с учетом региональной специфики. Однако оптимального сочетания охранительной и образовательной функции музеев достичь не удалось в силу объективных различных причин. Научное осмысление культуры народностей Севера было затруднено вследствие крайне слабой материально-технической базы культурно-просветительных учреждений, нехватки научных кадров на местах, отсутствия национальной интеллигенции. К тому же, планомерное воздействие на развитие музейной сети не смогло изменить исторически сложившегося распределения музеев в России. В конце 70-х гг. XX в. 80% музеев находились на европейской территории и в старых промышленных районах Урала и Приуралья. Все это никак не соответствовало задачам государства по освоению Сибири и Дальнего Востока.

Е.В. СЕВОСТЬЯНОВА

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННАЯ И ОБЩЕСТВЕННАЯ ИНИЦИАТИВА В РАЗВИТИИ РЕМЕСЛЕННОГО ОБРАЗОВАНИЯ В ЗАБАЙКАЛЬЕ В НАЧАЛЕ XX в.

Хотя отдельные технические учебные заведения появились в России в XVII в., но система профессионального образования начала складываться только к началу XX в. В 1888 г. правительство приняло «Основные положения о промышленных училищах», которые определяли три типа училищ — средние и низшие технические училища и ремесленные школы. Открывать их получили право земства, городские общества, частные лица. Позднее рядом указов (1893, 1895, 1897 гг.) правительство разрешило открывать *упрощенный* тип ремесленной школы — мастерские и классы. Их основная задача сводилась к подготовке рабочих по ремонту сельхозинвентаря и ремесленников по некоторым видам кустарной промышленности. В 1895 г. в письме МНП иркутскому генерал-губернатору, отмечалось, что открытие таких школ при фабриках и заводах остается редким явлением, и МНП рекомендовало способствовать открытию специальных курсов профессиональной направленности при начальных народных училищах. В начале XX в. МНП рекомендовало открывать два типа классов — ручного труда и ремесленных (отделений). Отличие со-

стояло в том, что первые должны были давать знания и умения в «зависимости от рода занятий местного населения, преимущественно путем практического обучения», заниматься в них могли только учащиеся училища. Ремесленные же отделения должны были отличаться большей специализацией и полнотой обучения, и в них допускались для обучения ремеслу и посторонние лица.

В конце XIX в. организация ремесленных классов в Забайкалье была единичным явлением. Единственным специальным учебным заведением было Ремесленное училище им. Николая II, открытое в 1894 г. и выпустившее до 1914 г. всего 166 чел. В 1896 г. в Верхнеудинске купец 1-й гильдии И.Фролов инициировал ремесленные классы, пообещав выплатить на их содержание 10 000 р. Городская дума возбудила ходатайство перед МНП, которое согласилось выделять дополнительные средства с 1899 г. Однако до 1916 г. занятия велись в классах ручного труда, затем они были реорганизованы в два отделения: столярно-токарное и картонажно-переплетное (ГАЧО. Ф. 4, оп. 1, д. 325, л. 1).

В начале XX в. МНП законодательно урегулировало ремесленные классы. Открывались они на основе «Положения о ремесленных отделениях по закону 21 апреля 1903 г. и 16 марта 1904 г. при низших учебных заведениях МНП». Министерство отпускало средства, но при условии, что и сельские общества будут ежегодно выплачивать не менее 600 р. МНП полагало, что введение ремесленного обучения при училищах повысит заинтересованность родителей, и отчасти решит проблему качества начального обучения. Часто родители, не дав детям окончить курс, спешили отдать их в качестве учеников в мастерские и на фабрики, и в результате через несколько лет наступал «рецидив безграмотности», школьные знания забывались.

Нужно отметить, что взгляды правительственных мужей и населения на основную цель ремесленных классов несколько расходились. Для населения основной целью было обучение определенным навыкам и умениям. Правительство же весьма настороженно относилось к узкой ремесленной специализации, поскольку заинтересовано было не только в подготовке ремесленников, но и в воспитании законопослушных подданных. В 1913 г. в циркуляре иркутского генерал-губернатора было записано, что профессиональные школы должны дать, прежде всего, религиозно-нравственное воспитание. Организации ремесленного образования придавалось воспитательное значение, поскольку «прикладные знания развивают глазомер, аккуратность, настойчивость, силу воли» (Там же, д. 168, л. 3).

Желающие открыть ремесленное училище (отделение) должны были составить ходатайство определенной формы, указав в нем, что обязуются принять на себя часть материальных расходов. Приложить смету на устройство и содержание помещения, указать оборудование, приложить планы помещений. Все документы должны были быть завизированы народным инспектором училищ губернии; попечителем учебного окру-

га, главным инспектором училищ Восточной Сибири (для Забайкалья). Кроме того, предложено было в «целях широкого распространения профессиональных знаний среди населения, не устанавливать каких-либо ограничений в отношении возраста» (*ПСЗ Российской империи. Т. XI. Ч. 4. Кн. 2. Изд. 1911 г. С. 345*).

Когда в 1913 г. учебное ведомство Забайкалья настойчиво предлагало населению открыть классы, то большинство сельских обществ признало их крайнюю необходимость, но при этом отказалось ассигновать средства, поэтому открытие ремесленных отделений шло крайне медленно. К 1 января 1914 г. ремесленные классы работали при нескольких училищах. При Петровско-Заводском, Троицкосавском (с 1891 г.), Верхнеудинском — классы ручного труда по обработке дерева. В Нерчинско-Заводском училище (с 1903 г.) работало два ремесленных отделения — кузнечно-слесарное и столярно-токарное. В селах Аргунское, Боргойское, Мангутское обучали столярному, сапожному, слесарному ремеслу. Здесь дети выполняли заказы местных жителей. Так, в с. Аргунском шорно-сапожному делу учились 16 мальчиков, которые изготавливали местную обувь — «ичиги» (*ГАЧО, ф. 4, оп. 1, д. 168, л. 2*).

Основной проблемой было отсутствие мастеров и учителей со специальной подготовкой. Это приводило к тому, что в преподавании не было системы, работа учеников носила дилетантский характер, интерес к занятиям падал. Так в Петровском Заводе не могли найти преподавателя переплетного дела. В Селенгинске средства от казны были получены еще в 1915 г., но отделение не начало работу и к 1917 г. из-за отсутствия мастеров. Курсы по подготовке учителей устраивали во время летних каникул в Санкт-Петербургском и Московском учительских институтах. Обучение было бесплатным, но местное общество должно было оплатить проезд учителя и его проживание. В 1912 г. и 1914 г. в Москву был командирован учитель Петровско-Заводского училища П.И. Богданов. В Троицкосавске и в Баргузине ни один из учителей не изъявил согласия поехать на курсы. С 1916 г. появилась возможность получить специальную подготовку и при Читинском ремесленном училище им. Николая II, где летом проходили курсы по столярно-токарному и слесарно-кузнечно-му ремеслам. Но и такой возможностью воспользовались единицы.

В 1906 г. МНП разрешило определять содержание учебного курса, разрабатывать программы преподавания и устанавливать продолжительность обучения в зависимости от местных условий. В Забайкалье в 1916 г. проект программы курса по столярно-токарной специальности разработал инспектор высшего начального училища Г.Д. Саввин. Программа включала теоретические и практические занятия, правила занятий в мастерских, таблицы учебных часов в неделю. Обучение предполагалось 3-х годичное. В первый год обучения программа включала общеобразовательные предметы: закон Божий, арифметику, русский язык, для «возобновления в памяти сведений начального училища».

Специальными предметами были технология деревообработки, изучение токарного станка, изучение различных способов отделки изделий (лак, краски, морилки и т.п.). На практических занятиях в мастерской ученики должны были научиться изготавливать линейки, вешалки, скамейки, ящики, столы, шкафы, тумбочки, парты. В последний год обучения — фигурную мебель и точеные вазы. Из 40 часов в неделю только 9 отводилось на теоретический курс. Сметы на первоначальное оборудование столярного и слесарного отделений (на 10 учеников) были составлены преподавателями Читинского ремесленного училища им. Николая II (ГАЧО, ф. 4. оп. 1, д. 94, л. 62; д. 259, л. 78).

В статье «Очередные вопросы Сибири» член Государственной Думы Т. Белоусов писал, что проявление общественной инициативы должно заключаться, во-первых, в популяризации профессионального образования, и, во-вторых, в изучении особенностей экономического развития. Сведения о том, какие именно ремесленные классы нужны в Забайкалье, подавали инспектора учебных районов, жители отдельных волостей, члены научных и культурно-просветительных обществ. Со своей стороны, учебная администрация стремилась восполнить информационный вакуум. В 1916 г. директор народных училищ Забайкалья распорядился выписать в школьные библиотеки журнал «Профессиональное образование», издаваемый отделом промышленных училищ МНП, и книгу В.М. Носова «Законоположения и распоряжения по классам ручного труда, ремесленным отделениям и профессиональным классам».

Открытие классов определялось и возможностью получения кредитов. Так, в 1916 г. Министерство земледелия решило выдавать кредиты на организацию при начальных училищах классов для преподавания садоводства и домоводства. Забайкальский отдел Общества изучения Сибири и улучшения ее быта в 1916 г. подготовил проект организации художественно-ремесленной учебной мастерской в Нерчинском Заводе (с двумя отделениями — столярным и гранильным); проект учебной мастерской в Кяхте с ткацким отделением и отделением по обработке шерсти и кожи; и проект курсов в Верхнеудинске для подготовки инструкторов сельскохозяйственных машин. В ходатайстве указывалось, что средства на содержание мастерских должны быть как государственными, так и общественными. В качестве источников средств указывались: субсидия от Министерства торговли и промышленности, плата за обучение (10 р. в год), доход от продажи изделий учащихся, пожертвования. Министерство внесло в смету на 1917 г. только открытие мастерской в Нерчинске. На открытие остальных кредиты были сокращены «по условиям военного времени» (ГАЧО, ф. 239, оп. 1, д. 18, л. 1). В 1917 г. по смете МНП Забайкальской дирекции училищ были отпущены средства на содержание 17 ремесленных классов и 7 классов ручного труда при начальных училищах.

В Забайкалье в начале XX в. важность и назревшую необходимость активного развития ремесленного образования понимали все — от адми-

нистрации, до общественных организаций и разных слоев населения. Основным препятствием было отсутствие материальных средств и опытных преподавателей, и отсутствие четкой законодательной регламентации. Разработанные в МНП проекты предусматривали многотипную систему профессионального образования с учетом местных условий. Однако существовала нечеткость структуры и типологии учебных заведений, их подчиненность различным министерствам (Министерству финансов, МНП, Департаменту земледелия и т.д.). Была неопределенность целеполагающих установок. По закону 30 мая 1917 г. все технические профессиональные учебные заведения и ремесленные училища и школы переходили в ведение департамента профессионального образования. Статус же ремесленных классов (отделений) при начальных училищах не был четко определен, департамент «не нашел возможным нарушать их связь со школами». Все это не дает основания говорить о последовательности и планомерности государственной политики в этой сфере, но в начале XX в. появилась согласованность действий общественности и власти.

Ю.В. ТИМОФЕЕВА

КНИЖНАЯ ТОРГОВЛЯ В СИБИРИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX—НАЧАЛА XX ВВ.

Книжная торговля — специфический вид предпринимательской деятельности, так как является важным показателем не только экономического, но и культурного развития отдельного региона и страны в целом. Обращение к истории книготорговли является актуальным не только с научной, но и с практической точки зрения, так как, помимо прочего, дает представление о всевозможных видах книготорговых предприятий, существовавших в прошлом и способных иметь место в настоящем и будущем, раскрывает факторы, как тормозящие развитие книжной торговли, так и содействующие ей. В данной же статье рассматриваются основные тенденции развития сибирской книжной торговли второй половины XIX—начала XX вв.

В предшествующий рассматриваемому времени период — в XVIII—первой половине XIX вв. — книжная торговля в Сибири находилась в зачаточном состоянии. На территории края не было ни одного специализированного книжного магазина, ни одной книжной лавки. Специальная книжная торговля не была тогда доходным делом из-за сложности и дороговизны книжных перевозок. И, тем не менее, книга постепенно укоренялась на местном рынке. Книги, как правило, продавали либо на ярмарках, в том числе на Иркутской, либо в лавках по продаже предметов народного потребления как дополнительный товар. В этих условиях распространение получила нестационарная книжная торговля — подписка и выписка печатной продукции, сделавшие преобладающей формой книжной торговли почтово-посылочную.